

ЗНАЧЕНИЕ ОБЪЕКТОВ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЯ И ОХРАНЫ СТЕПЕЙ

Ф.Н. ЛИСЕЦКИЙ (БЕЛГОРОДСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ, БЕЛГОРОД)

В 1975 г. Конвенцией ЮНЕСКО об охране всемирного культурного и природного наследия впервые на высоком уровне признана целесообразность спасения памятников культуры вместе с их природным окружением.

Земельный кодекс Российской Федерации предусматривает возможность выделения участков, занятых объектами культурного наследия (памятниками истории и культуры), в том числе объектами археологического наследия, в особую подкатегорию земель историко-культурного назначения, входящую в состав категории целевого назначения земель особо охраняемых территорий и объектов (статья 99). При этом кодекс не определяет жестких форм охраны: на отдельных землях историко-культурного назначения, в том числе землях объектов культурного наследия, подлежащих исследованию и консервации, может быть (но не обязательно) запрещена хозяйственная деятельность. Наряду с этим для сохранения исторической и ландшафтной среды устанавливаются зоны охраны объектов культурного наследия.

Как отмечал Л.Н. Гумилев, неповторимое сочетание элементов ландшафта, где этнос впервые сложился как система, формирует месторазвитие, или родину этноса. Восприятие памятников истории и культуры в их природном окружении усиливает их визуальную привлекательность и повышает значимость, например, для культурно-познавательного и экологического туризма.

Ландшафтные объекты культурного наследия включают такие предметы охраны, как природно-территориальный комплекс с его взаимосвязанными компонентами, планировочная структура территории, объемно-пространственная композиция со всеми ее ценными составляющими, которые формируют панорамы и перспективы.

Подходы к охране биологического и ландшафтного разнообразия также со временем стали более системными (экосистемными). От фокусированной охраны определенных видов растений, животных, почв, создания их Красных книг природоохранные усилия обратились к биогеоценозам с учетом дальнего действия среды (буферных зон). Так, в идее Зеленой книги (Василюк и др., 2010) сделан акцент не на охрану отдельных видов, а на сохранение

биоразнообразия в целом. Такое определение объекта охраны значительно лучше отвечает интересам сохранения степных природных комплексов.

Из-за широкого временного охвата объекты археологического наследия, которые встречаются на территории некоторых природных заповедников в лесостепной и степной зонах, могут предоставить уникальный материал для исследования восстанавливаемого почвенно-растительного покрова после антропогенных нарушений.

Несколько древних поселений разных эпох, зольники, а также античные террасы, характерные для районов виноградарства, ясно видны на склонах Казантипской возвышенности в Крыму. Эта территория площадью 450 га получила в 1998 г. статус природного заповедника.

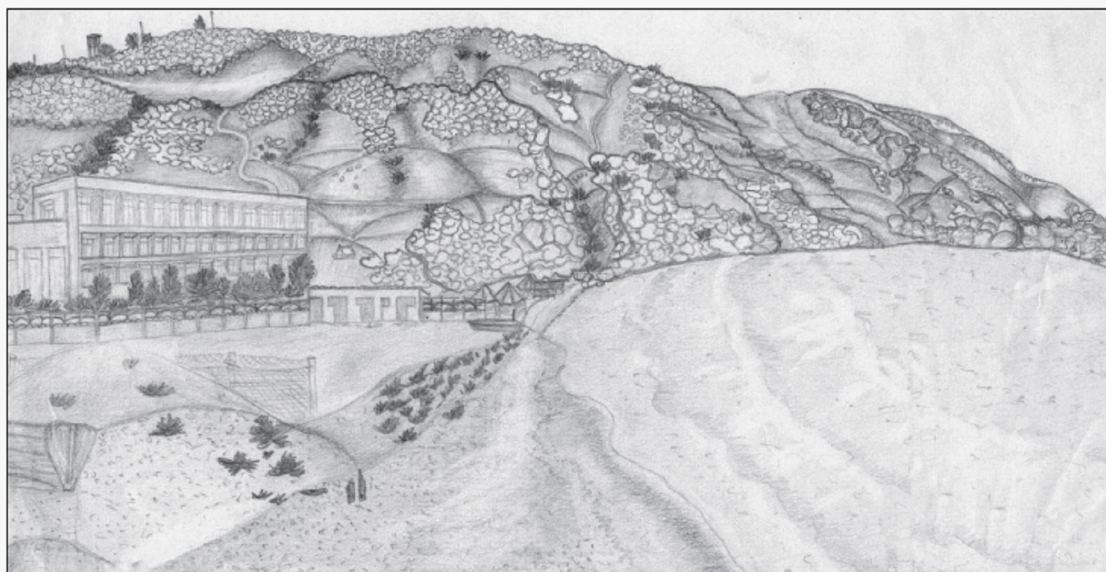
Другой пример — природный архитектурно-археологический музей-заповедник «Дивногорье» (Лискинский район Воронежской области). Наряду с кальцефитно-степной растительностью (250 видов естественной флоры сосудистых растений и 30 видов лишайников), редкими и эндемичными видами (не менее 28 видов растений и 27 видов насекомых), большую ценность здесь представляет территория Маяцкого городища (сер. IX—X вв.) — опорный памятник салтово-маяцкой культуры, ряд других археологических объектов, а также пещерные храмы Больших и Малых див.

Нахождение памятников археологии на территориях ООПТ чаще оказывается незапланированной удачей. Но целенаправленная инвентаризация наиболее ценных природно-исторических объектов может стать специализированной задачей. Так, одна из наиболее существенных отличительных особенностей Красной книги почв Белгородской области — то, что в нее включены как погребенные почвы, так и сформированные на дневных разновозрастных антропогенных поверхностях (все отнесены к уникальным почвам — Лисецкий, 2007).

Однако огромное количество памятников истории и культуры лишены своего природного окружения. По-видимому, пришло время для конвергенции подходов к охране биологического и ландшафтного разнообразия, с одной стороны, и историко-культурного на-

Информационные возможности изучения степных экосистем на дневных поверхностях археологических и исторических памятников

Дневные поверхности на археологических, исторических памятниках и других антропогенных объектах	Информационные возможности изучения почвенно-растительного покрова	Географические примеры распространения памятников и объектов
Древние населенные пункты (город, городище, селище, стоянка)	Хроноряды педофитокомбинаций и педолитокомбинаций, в т.ч. уникальные. Автогенные сукцессии	Степная зона Северного Причерноморья
Крепости, башни, крепостные валы	Петрофитные степи на старинных каменных кладках, степи на земляных насыпях. Степные катены. Первичные сукцессии. Разновозрастные сообщества лишайников	Крепости Измаил, Аккерман (Одесская обл.); Балыклей (Чикахлы), турецкая крепость у с. Мал. Корениха (Николаевская обл.); Херсон, Арабатская крепость, Керчь, Ени-Кале (Керченский п-ов); Фанагорийская крепость (Тамань); Маяцкая крепость («Дивногорье», Воронежская обл.)
Курганные могильники, курганы	Хроноряды почв и растительности. Ландшафтно-генетические ряды. Почвенно-климатические отношения (на мезо- и микроуровнях). Топологическая микроразнообразие в распределении почв и биоты. Степные реликты. Рефугиумы. Генетические изменения изолятов. Архивы фитолитов от разложившихся плиток дерна	Степная зона Восточно-Европейской равнины
Земельные наделы прежних практик землепользования и их границы (межевые валы)	Сукцессии на залежи. Агрогенные и постагрогенные ряды почв	Приднестровье, Приднепровье, Побужье, Тарханкут и сельские округи (хоры) Керкинитиды, Херсонеса, Боспора (Крым); Тамань
Оборонительные валы (пограничные, по периметру городищ)	Разновозрастные катены (распределение почвенно-растительного покрова на рыхлых и плотных породах в соответствии с топографическим градиентом). Ландшафтные сукцессии	Траяновы валы (Молдова, Одесская обл.); Змиевы валы (Приднестровье); валы Восточного Крыма (6 протяженных); Киммерийский вал (Тамань); Перекоп (Крым); Бельское городище (Сумская и Полтавская обл.); скифские городища Поворскля; салтовские городища (Харьковская обл., ЦЧР); Белгородская черта, Изюмская черта (Полтавский вал)
Ратные поля, военно-инженерные сооружения нового времени (редуты, реданы, эскарпы, окопы, блиндажи, отвалы противотанковых рвов, воронки взрыва)	Новообразованные почвы с различными биолитокомбинациями, хроноряды почв	Фортификационные сооружения поля Полтавской битвы (1709 г.), Прохоровское поле (1943 г.), районы боевых действий 1918–1921 и 1941–1944 гг.
Мелиоративные валы (противопаводковые, противоэрозионные, оросительных систем и др.). Дамбы, плотины, террасы, дорожные насыпи	Первичное почвообразование, восстановительные сукцессии	Оросительные системы юга Украины, Поволжья, Северного Кавказа
Горнопромышленные ландшафты (карьеры, отвалы). Старые археологические раскопки	Первичное почвообразование, восстановительные сукцессии. Новые и/или мало распространенные в природных ландшафтах эдафические условия	Открытая добыча полезных ископаемых в Камыш-Бурунском железорудном месторождении с 1933 г. (Крым); раскопки античных городов начала XX в.

Юго-восточный склон п-ва Казантип. Рисунок выполнен по просьбе автора студенткой Одесского университета в 1987 г.

следа — с другой. Это обусловлено также необходимостью проведения междисциплинарных научных исследований — как минимум, для выдающихся памятников. Например, так было организовано изучение городища Аркаим — ныне историко-культурного заповедника.

К этому убеждению автор пришел, проводя постоянные (с 1981 г.) исследования в степной зоне Молдовы, Украины (Одесская, Николаевская, Херсонская области, Республика Крым) и европейской России (Краснодарский край, Белгородская и Воронежская области), а также в районах распространения травянистых сообществ восточноевропейской лесостепи. Попутно с выполнением основной работы — научной разработкой проблемы «Почвы и время» — накопился большой эмпирический материал об особенностях почвенно-растительного покрова на дневных поверхностях, датированных историческими и археологическими методами. Определенная систематизация этих результатов позволяет отметить основные информационные возможности естественнонаучного подхода к изучению недвижимых объектов историко-культурного наследия. Кратко они суммированы в таблице.

Интерес к процессам почвообразования на рукотворных объектах прошлого проявился уже на рубеже XIX–XX вв., когда были исследованы почвы на известняках Староладжской крепости (760 лет) (Докучаев, 1883) и почвы на развалинах западноевропейских замков (500–600 лет) (Земятченский, 1906). В

настоящее время сформировалось отдельное научное направление — археологическое почвоведение, благодаря чему во многих регионах проводятся совместные полевые исследования археологов и почвоведов (работы А.Л. Александровского, А.О. Алексева, А.Н. Геннадиева, П.В. Голуцова, В.А. Демкина, М.И. Дергачевой, В.П. Золотуна, И.В. Иванова, Л.С. Песочной, Л.Н. Плехановой, С.А. Сычевой, О.С. Хохловой, Ю.Г. Чендева и др.). Их результаты взаимно обогащают обе науки. Почвоведы могут изучать почвы, которые возникли исключительно благодаря деятельности человека. Например, золистые почвы и зольники, которые специально выделены в региональной классификации почв Крыма, образовались на месте старых поселений и занимают площадь 14,2 тыс. га. Археологи могут получить от почвоведов палеоэкологические реконструкции и уточнения по датировкам некоторых памятников. В последние годы к междисциплинарным исследованиям подключились ботаники, которые заинтересовались растительностью археологических памятников, в частности курганов.

С точки зрения почвоведов, курган — это локальный геокомплекс, в котором выделяется три фации: (1) куполовидная вершина с ксероморфной растительностью, часто антропогенно нарушенной, (2) склоны разной экспозиции и (3) ров с мезофитной растительностью. На гумусированной насыпи курганов в результате аппликативной эволюции сформированы своеобразные почвы, координированные по топографическому градиенту

правительства области от 27 октября 2008 г. № 264–пп «Об утверждении временного порядка использования земельных участков, в пределах которых располагаются объекты культурного наследия (курганные памятники и скифские захоронения)» – в Белгородской области удалось создать правовую основу для сохранения курганов на сельскохозяйственных землях. Все земельные участки, в пределах которых располагаются курганные памятники и скифские захоронения, подлежат переводу в земли особо охраняемых территорий – земли историко-культурного назначения, независимо от исходной категории целевого назначения земель и форм собственности.

В целях сохранения курганов и скифских захоронений запрещается любая распашка, строительство, изъятие грунта из насыпи. Департаменту АПК области поручено организовывать засев этих территорий многолетними травами и обеспечить соответствующий уход.

Однако рекомендация главам сельских поселений, землепользователям и арендаторам провести ограждение земельных участков, в пределах которых располагаются курганы, с ботанической точки зрения спорна. На местах это указание выполняется путем высаживания в радиусе около 20 м вокруг курганов полосы деревьев. Это спорное решение, нарушающее визуальный облик ландшафта.

Сохранение облика агроландшафтов районов древнего освоения и наиболее ценных их композиционных (культурно-планировочных) частей представляет собой сравнительно новую проблему. Характерные компонентные структуры агроландшафта (системы землепользования и расселения, сеть путей сообщения и др.) во многом определяют его своеобразие.

Обычно изучают трансформацию коренных экосистем в результате первого и продолжающегося антропогенного воздействия. Но в некоторых регионах с длительной историей освоения появляются возможности исследования природно-антропогенных систем в условиях многократных и длительных антропогенных нагрузок.

Среди античных полисов наиболее хорошо сохранившаяся к настоящему времени система размежевания земельного фонда представлена в сельскохозяйственной округе Херсонеса (национальный заповедник «Херсонес Таврический», АР Крым). Здесь выделено порядка 430 древних земельных наделов, часть которых с античного времени оставлены в залежь и более не обрабатывались. Под охраной нормативно-правовых документов о культурном наследии находятся разновозрастные почвы, постагрогенные почвы и степная

растительность, для которой крымскими ботаниками уже разработаны проекты расширения сети объектов природно-заповедного фонда в пределах Гераклейского п-ва. Пример другого рода – уже упоминавшийся Казантипский природный заповедник, в южной части которого находится «Археологическое побережье». Здесь в четкой системе размежевания земель еще до заповедания описана (Лисецкий, 1998) разнотравно-ковыльная ассоциация на постагрогенных почвах возраста 17 веков.

Такие объекты обладают недооцененными информационными возможностями для изучения агрогенно обусловленной трансформации почв в историческом контексте развития региональных систем древнего землеустройства.

Фортификационные сооружения старых городов бережно охраняются в Западной Европе, обычно они окружены парковой зоной. Казалось бы, в историческом центре, который имеет плотную городскую застройку, трудно ожидать представителей местной флоры. Но, к примеру, в Херсонской крепости земляные валы у Московских и Очаковских ворот, встроенных в 1784 г., несут на уплощенных вершинах почвенно-растительный покров. Его по морфологии почв можно датировать временем, когда крепость после окончания Крымской войны приходит в упадок. Хотя за 145 лет на вершине крепостных земляных валов сформировалась почва мощностью всего лишь 11 см, здесь, в центре крупного города, чудом сохранились интересные растения. В частности, на валах Херсонской крепости растут два вида охраняемых растений: тюльпан южнобугский (*Tulipa hypanica*; внесен в Красную книгу Украины) и барвинок травянистый (*Vinca herbacea*; Красный список Херсонской области). Кроме того, произрастает несколько других видов степных растений: житняк гребенчатый (*Agropyron pectinatum*), прутняк (*Kochia prostrata*), гвоздика полевая (*Dianthus campestris*), осока узколистая (*Carex stenophylla*) и др. (личное сообщение д.б.н. И.И. Мойсиенко).

Изучение катен в археологических ландшафтах позволяет представить эволюцию почвенного покрова, начавшуюся в некий единый момент времени. А нестационарность биоты определяет необходимость фактического рассмотрения подсистем почва-растение в пределах катен (Лисецкий, 1999).

Из близких по возрасту валов могут быть сформированы серии катен. Так, оборонительных валов римского времени (первых веков нашей эры) только у городищ округи

античной Ольвии сохранилось 15, еще 12 крепостей (батареек) известно на Фанталовском п-ве (Тамань). Не только курганы, но и некоторые земляные валы представляют собой островки степной растительности. В фортификации Белгородской засечной черты XVII в. важную роль играли земляные валы, общая протяженность которых на территории Белгородской области составляла 100 км, из них до настоящего времени сохранился лишь 21 км. В том числе это сплошь покрытый ковылем Яблоновский участок черты и ее Карповский участок, где произрастают ковыли, адонис, ломонос, а у земляного городка отмечены обширные куртины степного миндаля.

Со временем будет только возрастать историческая и природная значимость даже таких ландшафтов, которые сформированы фортификационной деятельностью и боевыми действиями (беллигеративных ландшафтов) нового времени. В Белгородской области летом 1943 г. в ходе подготовки Курской битвы была создана сеть траншей и ходов сообщения общей длиной 970 км, свыше 8500 окопов, огромное количество блиндажей, землянок и других военных сооружений. В результате изучения сохранившихся объектов этого типа, различающихся характером субстратов и фитоценозов, выделено 66 биолитокомбинаций, в том числе 11 под травянистой растительностью.

На третьем ратном поле России сейчас существует Государственный военно-исторический музей-заповедник «Прохоровское поле» (парковая зона 6000 га). К сожалению, в нем нет мемориальных объектов в естественном режиме. Такие объекты еще остались во многих других местах, но они стремительно разрушаются «черными копателями» в связи с появлением в массовом пользовании металлодетекторов. Становится очевидным, что пора вводить охранный режим и на эти совсем еще молодые объекты истории и природы.

При научном изучении объектов историко-культурного наследия требуется гармонизация интересов разнопрофильных специалистов. Отрадно, что согласно «Положению о порядке проведения археологических полевых работ (археологических раскопок и разведок) и составления научной отчетной документации» (утверждено решением Ученого совета Института археологии РАН от 30.03.2007) одним из приоритетов археологических исследований декларируется комплексный подход к изучению памятников археологии и привлечение специалистов естественнонаучного профиля (почвоведов, геологов, геофизиков, геоморфологов, палеоботаников и др.). Это

необходимо для фиксации природных условий, в которых находятся объекты, изучения палеосреды и анализа палеоэкологических материалов.

Но некоторые методические моменты Положения все же требуют доработки.

Раскопки античных памятников, которые в Причерноморье и Приазовье размещены главным образом в прибрежных зонах, часто сводятся к сбрасыванию новообразованных почвенных горизонтов с обрыва. В таких случаях рекультивация раскопок не связана с возвращением почвенного слоя на прежнее место, как это требуется для объектов горнотехнической рекультивации. На раскопы вместо степной растительности на десятилетия приходят сорняки.

Помимо этого, при проведении археологических работ иногда полностью уничтожаются участки, исключительно значимые для почвенно-генетических и педохронологических исследований. Если погребенные горизонты почв фиксируются в стратиграфии многослойных памятников, в подсыпках курганов, то дневной почвенно-растительный слой беспощадно снимается для «начала работ». По аналогии с требованиями к послойному осуществлению археологических раскопок верхний «этаж» раскопа – почвенно-растительный покров – тоже должен изучаться специалистами до начала снятия неинтересного для исторической науки слоя «гумуса» (как обычно пишут археологи). В методике археологических раскопок нет упоминания о необходимости замеров почвенных горизонтов А и А+АВ. Между тем это важная информация не только для почвенной, но и для археологической науки, позволяющая использовать метод почвенно-генетической хронологии, обоснованный в том числе и для объектов степной зоны (Ли-сецкий, Голеусов, 2002).

Между раскопами «Положением...» запрещается оставлять незначительные участки или полосы не вскрытого культурного слоя. Однако для естественнонаучных целей обязательно нужны небольшие целики (трехмерные почвенные индивидуумы – педоны). Стратиграфические бровки (обычно около 30 см шириной), которые археологи оставляют в раскопах на границах 5-метровых квадратов, решают эту задачу частично.

В отношении раскопок курганов «Положение...» категорично: они производятся только со снятием всей насыпи и исследованием всего находящегося под ней пространства, а также ближайшей территории, на которой могут быть обнаружены ровики, присыпки, остатки древних пашен. Очевидно, что для

выдающихся курганов следует до начала раскопок проводить ботаническую экспертизу для выявления видов, занесенных в Красную книгу. Дальнейшие шаги – путь компромиссов, с учетом того, что курганы, как и некоторые другие памятники, – объекты не только культурного, но и природного наследия, требующие междисциплинарного подхода при их изучении.

Современному пониманию проблемы отвечает надежда, что со временем нормальной практикой изучения объектов историко-культурного наследия вместе с природной основой и их окружением станут комплексные естественнонаучно-исторические исследования, основанные на сотрудничестве археологов, почвоведов, ботаников, палеоэкологов, ландшафтоведов, геологов, геоморфологов, геофизиков и других специалистов.

Таким образом, сближение подходов к охране биоразнообразия и историко-культурного наследия может обеспечить лучшее понимание перспектив эффективной организации такого феномена природно-антропогенной эволюции, как степные экосистемы в мозаике разновременных памятников истории и культуры.

ЛИТЕРАТУРА

- Василюк А.В., Парникоза И.Ю., Шевченко М.С. 2010. Биоразнообразие степей под охраной Красной и Зеленой книг Украины // СБ, № 29. 33–36.
- Демина О.Н., Акатов В.В., Серeda М.М., Кондакова М.Ю. 2006. Влияние изоляции на видовое богатство степных фитоценозов Государственного заповедника «Ростовский» // Роль особо охраняемых природных территорий в сохранении биоразнообразия. Ростов-на-Дону. 192–196.
- Дилевская Н. 1905. Черноморские степи. М. 127 с.
- Лисецкий Ф.Н. 1998. Автогенная сукцессия степной растительности в постантичных ландшафтах // Экология, № 4. 252–255.

Лисецкий Ф.Н. 1999. Почвенные катены в археологических ландшафтах // Почвоведение, № 10. 1213–1223.

Лисецкий Ф.Н. 2007. Региональная Красная книга почв и охрана степных экосистем // СБ, № 23–24. 50–52.

Лисецкий Ф.Н., Голусов П.В. 2002. Почвенно-хронологические исследования археологических памятников Таманского полуострова // Донская археология, № 3–4 (16–17). 102–112.

Moysiienko I., Sudnik-Wyjcikowska B. 2006. The flora of kurgans in the steppe zone of Southern Ukraine – phyto-geographical and ecological aspects // Polish Botanical Studies. 22. 387–398.

Контакт:

Федор Николаевич Лисецкий,
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
РОССИЯ 308015 Белгород, ул. Победы, 85
Телефон: (4722) 30 13 70
E-mail: liset@bsu.edu.ru

Мышиный гиацинт незамеченный (*Muscari neglectum*) – один из множества видов редких степных растений, сохраняющихся на курганах среди глубоко трансформированного аграрного ландшафта.

Рис. Натальи Прийдак